

Copyright © 2017 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 33, Is. 5, pp. 190–198, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-33-5-190-198
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.51

About the Amount and Nature of Turkic-Mongolian and Turkic-Tungusic Lexical Relations in a New Perspective: the Role of the Theory of Genetic Relationship of the Altaic Languages in the Identification of Ancient Language Contacts

Aleksey A. Burykin¹

¹ Ph.D. in Philology (Doct. of Philological Sc), Ph.D. in History (Doct. of Historical Sc), Leading Research Associate, Institute for Linguistic Studies of the RAS (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: albury@mail.ru

Abstract. The article represents new facts concerning the problem of ancient language communications and facts confirming the interaction of Turkic languages with Mongolic and Tungus-Manchu ones. The paper shows that the words representing cultural lexicon of Turkic languages were repeatedly borrowed into both the Mongolic and Tungus-Manchu languages and dialects, and those were Turkic languages — many of them extinct nowadays — that were sources of such diverse loans. The materials under consideration constitute a new episode in studies of the mentioned interlingual relations. And when it comes to the description of lexical structure of Altaic languages in the historical and areal perspectives, the presented facts prove interesting both in terms of theory and practice. The paper concludes that all revealed patterns of the kind are characterized by some features as follows: 1) the words to be compared are beyond the systems of correspondences inherent to the comparative and historical phonetics of Tungus-Manchu languages, but match the Turkic system of correspondences exactly for the specific consonants — δ , ξ , z , j — and are somewhat congruent with the uncommon transformations of vowels typical, e.g., for the Chuvash language; 2) the vast majority of patterns revealed during the search of correspondences for the targeted Turkic roots show no significant semantic differences, otherwise their semantic divergences match the divergence processes to be witnessed in Turkic languages as such, etc. Together with the similar facts in these languages there are such forms of words which help us reconstruct the lexical units as elements of common Altaic lexicon. The article concludes that the goals of further studies of areal relations between Turkic, Mongolic and Tungus-Manchu languages should comprise systemization and linguo-geographic analysis of the facts mirroring elements of such extinct languages dated 3 000 years back (when the Tungus-Manchu group split up resulting in the divergence of the Turkic languages that were in contact with diffusing dialects of the Common Tungus-Manchu parent language), and, thus, deepening the prospects of Turkic studies by 1 700 years from the period of the earliest Turkic written monuments.

Keywords: Altaic theory, Turkic languages, Mongolic languages, Tungus-Manchu languages, areal relations, reconstruction, phonetic correspondence, loanwords, extinct languages.

Алтайская теория за всю более чем 150-летнюю историю своего существования никогда не составляла предмет контroversы «общее происхождение языков или последствия языковых контактов и конгломерат заимствований». Изучение общеалтайского лексического фонда, по внешней форме укладываемого в системы фонетических соответствий между алтайскими языками (тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками, позднее корейским и японским) и разнообразных и разнонаправленных лексических заимствований, по форме предсказуемо отклоняющихся от регулярных фонетических соответствий, на основе которых обосновывается родство алтайских языков, всегда составляли разные, хотя и связанные друг с другом задачи алтайской теории. Хорошо известно, что заимствованиями в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках занимались такие убежденные сторонники генетического родства алтайских языков, как Б. Я. Владимирцов, Н. Н. Поппе, Г. Д. Санжеев, В. И. Цинциус и многие их коллеги за рубежом. Эти ученые и их единомышленники прекрасно отдавали себе отчет в том, что как раз на материале заимствований может осуществляться верификация самой общеалтайской реконструкции как отдельного продукта сравнительно-исторического изучения алтайских языков.

К 1980-м гг. стало ясно: алтайская теория не имеет альтернативы, хотя реконструкция архаического состояния алтайских языков не доработана; опровержение генетического родства алтайских языков бесперспективно, так как в этой области уже почти 100 лет нет и не видно положительных результатов, обосновывающих иные родственные связи хотя бы какой-то одной группы алтайских языков (до сих пор нет внятных альтернативных гипотез даже для корейского и японского языков). Ареальные связи живых языков — представителей отдельных групп алтайских языков и языков, документированных ранними письменными памятниками, — могут изучаться бесконечно, однако полученный в ходе таких исследований материал значим только для истории лексического состава отдельных языков, знакомых нам в перспективе их собственной истории, и более ни для чего не пригоден.

Логичным направлением развития алтайской теории был поиск более сложных фонетических соответствий между груп-

пами алтайских языков, нежели довольно тривиальные соответствия Г. Рамстедта и Н. Н. Поппе, основанный на тотальном позиционном анализе соответствий гласных — в анлауте, в первом слоге, в непервых слогах и в ауслауте, соответствий согласных — в анлауте, в инлауте, в преконсонантной и постконсонантной позициях и в абсолютном конце слова. При этом внимание уделялось не только материальным качественным соответствиям фонем, но и фактам отпадения начальных и конечных согласных и выпадения гласных непервых слогов и выпадения срединных согласных — тому, что демонстрируют в разной степени «новые», по С. Е. Малову, тюркские языки, монгольские языки Внутренней Монголии, тунгусо-маньчжурские языки Приамурья и современный корейский язык в сравнении с нормами корейской орфографии. Основные результаты этой работы, полученные автором, отражены в специальных публикациях [Бурыкин 1999; 2014; 2015].

Согласно уточнениям в общеалтайской реконструкции, соотношение лексических единиц тюркских и монгольских языков в зависимости от структуры корня в монгольских языках в итоге сводится к трем типам:

1) письм.-монг. **mösun* ‘лед’ ~ др.-тюрк. *büz* ‘лед’; письм.-монг. *qonin* ‘овца’ ~ др.-тюрк. *qoj* ‘овца’;

2) письм.-монг. *dürsün* ‘изображение, вид, форма’ ~ др.-тюрк. *jüz* ‘лицо’; письм.-монг. *kelberi*, монг. *хэлбэр* ‘форма, вид’ ~ др.-тюрк. *kep* ‘форма’, > монг. *хэв*; — доказуемый тюркизм.

3) письм.-монг. *deresün* ‘камыш’ ~ др.-тюрк. *jiz* < **jēz* ‘тростник’ [Бурыкин 2014: 25–26].

Ср. также монг. *хорхинцог* ‘стручок’ ~ татар. *кузақ* ‘стручок’ и др., сюда же попадает даже эвенк. *амсир* ‘горностай’ (< чукот. *эмчачокалгын* ‘горностай’) ~ тюрк. *as* ‘горностай’, монг. *büselegür* ‘поясница’ ~ дагур. *бэслэ:p* ‘поясница’ ~ тюрк. *bel* ‘поясница’ (производность монгольского слова значения не имеет, поскольку исторический морфемный состав тюркских односложных корней был и остается в рамках ортодоксальной тюркологии неясным, а все предположения в ее же рамках — гадательными).

Последняя группа примеров показывает, что в некоторых случаях в архаическом состоянии тюркских языков гласный второго слога подвергался синкопе, после чего образовавшиеся вторичные сочетания

согласных разделяли судьбу первичных сочетаний, т. е. бесследно утрачивали первый согласный.

Соответствия такого типа имеют колоссальное значение для алтаистики. Во-первых, они многократно увеличивают число выявляемых общеалтайских, в том числе монголо-тюркских, сходжений в лексике. Во-вторых, не являясь тривиальными и ожидаемыми для заимствований, они однозначно указывают на какой-то иной, нежели ареальные связи, вид отношений между тюркскими и монгольскими языками — и таким видом может быть только генетическое родство. В-третьих, как раз на фоне таких соответствий удастся неопровержимо, без остающихся сомнений, доказывать, что корреспонденции типа тюрк. *altun* ~ монг. *altan* 'золото' с тождеством сочетаний согласных представляют собой бесспорные заимствования. То же касается и слов типа монг. *цэцэг* — тюрк. *čečäk* 'цветок', монг. *тахья* — тюрк. *taqiq* 'курица' при наличии в других группах языков форм с сочетанием согласных внутри слова, ср. корейск. *та(л)к* 'курица'.

Как известно, тюркские языки имеют относительно небольшое число согласных, дающее нетривиальные соответствия по отдельным языкам, — это интердентальный *ɖ*, согласные *z* и *ʒ*, в отдельных случаях согласный *s*, а также начальный *j*. Эта особенность тюркских языков позволяет обобщить корневые и аффиксальные морфемы с этими согласными (например, по древнетюркскому словарю или словарю Э. В. Севортяна) и начать поиски проявлений таких же корней и суффиксов в статусе общеалтайских лексем и в качестве заимствований из тюркских языков в монгольских и в тунгусо-маньчжурских языках. Подобная задача, во-первых, должна была увеличить число тюркских заимствований и разнообразить их репертуар, во-вторых, она должна была служить средством верификации самой предлагаемой общеалтайской реконструкции. В-третьих, анализ материала при определенных условиях мог бы вскрыть характеристики тюркских языков — источников таких заимствований, указав на былые ареалы их распространения. Наконец, в-четвертых, мы получили бы возможность подсчитать число исчезнувших тюркских языков, от которых остались лишь заимствования в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках.

Разберем некоторые примеры.

1. Тюрк. *ед* 'вещь'

Древнетюркский корень *ed*, *ed* 'вещь, имущество, богатство' [ДТС: 162, 164], в реконструкции Э. В. Севортяна — ИЙ- [Севортян, 1: 329–330] достаточно хорошо документирован. В словаре Э. В. Севортяна он подается как гомогенный с тюркской лексемой *idi* 'хозяин, владелец, обладатель' [ДТС: 203], *iDi* 'господин (о боге)' [ДТС: 203], *ige* 'хозяин дух, божество' [ДТС: 204], *iJe* 'хозяин, господин (о боге)' [ДТС: 205] (см. [Севортян, 1: 237–241] — с реконструкцией ЕЙЕ): «С ий- гомогенно также турецкое диалектное *ez* 'хозяин', 'владелец'. <...> Оно образует морфо-семантическое звено между рассматриваемой основой и ей, *eze*, и т. д. 'хозяин', 'владелец' [Севортян, 1: 330]; «семантически ей гомогенно с *ad* 'имущество, добро, благо'» [Севортян, 1: 240].

Оба слова, как отмечено у Э. В. Севортяна, сопоставляются соответственно с монг. *ed* 'вещь, имущество' [Севортян, 1: 330] и монг. *ezen* 'господин, хозяин' [Севортян, 1: 240].

Тезис о тождестве корней слов «имущество» и «хозяин, владелец», конечно, был бы допустим с точки зрения какой-нибудь палеосемантики 80-летней давности, сейчас он выглядит более чем сомнительным, и первый вопрос, который тут хочется задать, — почему тогда Э. В. Севортян дает разную огласовку для форм тюркских корней, которые он считает гомогенными? Какие-либо доказательства общего происхождения этих форм отсутствуют. Как для тюркских, так и для монгольских фактов — для тюркских примеров необъяснима производность формы *idi* в сравнении с *ed*, для монгольских — наличие согласного *z* вместо *d* в середине слова перед гласным *e*, который не восходит к *i* (формы с *i* во втором слоге не засвидетельствованы для монгольских языков). Предположение о том, что обе монгольские формы имеют тюркское происхождение, было бы вполне корректным, но оно не покрывает всего множества фактов, связываемых с рассматриваемыми тюркскими лексемами.

В монгольских языках выявляется целый ряд слов со значением «имущество»: 1) АГУУРС I 'вещи, имущество, пожитки, скарб, достояние'; *эд агуурс* 'вещи, имущество, пожитки, скарб'; 2) АДАЛ II: *адал мал* 'скот, стадо; имущество (как собственность)'; 3) ЗЭСЛЭГ 'имущество, ресурсы, все, что необходимо для удовлетворения

потребностей'; 4) УУРС I 'имущество; утварь; вещи, пожитки, скарб, достояние; эд уурс хорш. имущество; утварь, пожитки'.

Первая форма АГУУРС, давшая даже парное слово с тождественными по семантике компонентами, возводима к *ag* — одной из возможных модификаций тюркского корня *ed* с перегласовкой и переходом интердентального $\delta > g$ (возможно, через стадию *j* или через стадию $z \sim s$). Правая часть — суффиксальные элементы — содержит показатель множественности. Форма УУРС является какой-то модификацией этой же самой формы, в которой заднеязычный интервокальный *-g-* подвергся контракции.

Вторая форма демонстрирует нам перегласовку корня по заднему сингармоническому ряду даже без изменений согласного. Компонент *-al* может представлять собой собирательный суффикс — обращаем внимание на его материальное совпадение с показателем множественного числа *-l* в тунгусо-маньчжурских языках.

Третья форма, в правой части которой находится суффикс вторичной субстантивации *-лэг*, по законам исторической фонетики тюркских языков выводима из формы ***jeδ* с известными переходами $j > dz$ и $\delta > z \sim s$, хотя у Э. В. Севортяна наличие протетического *j-* в начале слова предполагается только для корня *еје* [Севортян, 1: 238].

В свете наших наблюдений логичным будет предположение, что среди монгольских названий со значением «вещь, имущество» заимствована из тюркских языков не только форма *эд* ~ *ed*, но и другие формы, АГУУРС, АДАЛ, ЗЭСЛЭГ, хотя заимствованный характер этих форм не столь очевиден, поскольку они, очевидно, восходят к каким-то ныне не существующим тюркским языкам.

Примеры, аналогичные наблюдаемым нами монгольским проявлениям тюркского *ед* 'вещь, имущество', имеются и в тунгусо-маньчжурских языках:

1) эвенк. *эт* 'товар', сол. *эдэ* 'вещь, имущество' [ССТМЯ, 2: 469] — при солонской форме стоит помета < мо, но форм с конечным гласным в монгольских языках нет. Форма *эт* 'товар' заимствована из монгольского языка или из языка, близкого к якутскому;

2) эвенк. *ати* 'товар' [ССТМЯ, 1: 58] < якут. *атыы*. Очевидное якутское заимствование определяется по перегласовке слова по заднему сингармоническому ряду;

3) эвенк. *идэгэ*: 'вещь, предмет, скарб,

деньги' [ССТМЯ, 1: 298]. Форма аналогична тюркским образованиям *edgü, ejgi*, приводимым Э. В. Севортяном [Севортян, 1: 329], но более архаична, так как сохраняет срединный гласный;

4) эвенк. *аннга*: 'предмет, вещь, утварь, одежда' [ССТМЯ, 1: 43]. Переход огласовки в заднерядную наблюдается во множестве проявлений данного корня в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, на месте заднеязычного, видимо, находился согласный $g < *δ$;

5) эвенк. *учарук* 'коробка берестяная женская' [ССТМЯ, 2: 296]: образование с суффиксом вместилищ *-рук* от основы *уча-* с лабиализацией начального гласного и согласным *-ч-* на месте интердентального (не менее шести случаев таких рефлексов интердентального замечено в маньчжурском — *хучин* 'колодец', *гэчулэхэ* 'одежда' и др.);

6) эвенк. *ирги-* 'вскормить' (< **идги-*) ~ ульч. *узи(н)* 'хозяйство, скот', орок. *узи(н)* 'скот', нан. *узи(н)* 'скот', ма. *узин* 'домашний (о рабе, животном)' [ССТМЯ, 1: 325–326];

7) ма. *хэтхэ* 'имущество' [ССТМЯ, 1: 483]. Начальный согласный, вероятно, протетический: история изолированных форм с начальным *х-* в маньчжурском не вполне ясна. (Возможно, протеза перед слогом со спирантом, позднее диссимилировавшимся);

8) орок. *ойоско* 'вещь, имущество, инвентарь' [ССТМЯ, 2: 9].

С меньшей степенью достоверности к проявлениям того же тюркского слова в тунгусо-маньчжурских языках можно отнести следующие тунгусо-маньчжурские лексемы: 1) нег., ороц., уд., ульч., нан., ма. *ото(н)* 'посуда деревянная, блюдо, корыто' [ССТМЯ, 2: 28]; 2) эвенк. *усэ* 'оружие' [ССТМЯ, 2: 292];

Слова с семантикой «посуда» и «оружие» — гипонимы к значению «имущество». Характерная особенность сопоставления рассматриваемого материала, как и во многих других проявлениях тюркских лексем, имеющих разные источники, в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках — полное отсутствие каких-либо морфологических трудностей.

В качестве тунгусо-маньчжурского архетипа, позволяющего видеть в тюркском *ед* 'имущество, вещь' общеалтайский корень, очевидно, выступает ульч. *анзу-/и-* 'делать, строить', орок. *анду* 'изделие, вещь' [ССТМЯ, 1: 43], в которой присутствует префонемный *-н-*. Это и позволяет счи-

тать данные лексемы более архаичными по форме, нежели односложные формы и двусложные формы с одним инлаутным согласным, и рассматривать их как самые близкие к общеалтайской праформе.

Любопытно, что данный корень присутствует и в нивхском языке. Ср. нивх. *ес*, вост.-сах. *верш* ‘товар’. Междialeктные соответствия амурск. *с* ~ вост.-сах. *риш* появились на собственно нивхской почве при распаде нивхского языка на амурский и восточносахалинский диалекты. Источником нивхской формы с *с* едва ли могла быть форма с переднеязычным *д* (как в монгольском) — скорее всего, нивхское *ес* ‘товар’ заимствовано из какого-то иного тюркского языка, нежели монгольское *ед* ‘вещь’.

II. Тюрк. *иді* ‘хозяин, владелец, обладатель’

В словаре Э. В. Севортьяна эта лексема подается как гомогенная с тюркской лексемой *иді* ‘господин (о боге)’ [ДТС 203], *иге* ‘хозяин, дух, божество’ [ДТС 204], *ije* ‘хозяин, господин (о боге)’ ([ДТС 203, 204, 205], см. [Севортьян, 1: 237–241]) — с реконструкцией *ейе*: Э. В. Севортьяном указана общепринятая монгольская параллель к этому слову — монг. *езеп* ‘господин, хозяин’, а также ‘дух-хозяин, божество’.

Как уже отмечалось, для монгольского *езеп* необъяснимо наличие согласного *з* вместо *д* в середине слова перед гласным *е*, который не восходит к *i*:

1) монг. ЭДЭН ‘вампир’ (БАМРС) также, вероятно, тюркизм;

2) монг. АРИУН 1. ‘священный, святой, неприкосновенный’; *ариун аймаг* түүх. ‘святая земля (о Палестине)’; *ариун нандин* ‘священный, святой, неприкосновенный, заветный, сокровенный, душевный’ ср. тюрк. *arig* ‘чистый, нравственно безупречный’, ‘истинный, праведный, священный, святой’ ([ДТС 51–52, Севортьян, 1: 184–186]). Пара слов монг. *ариун* ~ тюрк. *arig* вполне могла бы рассматриваться как общая лексема общеалтайского фонда (аусллаутный комплекс *-un* в тюркском должен был отпасть) — впрочем, так и может быть, если бы не подозрительная похожесть корня, ныне настояраживающая и побуждающая предполагать в подобных случаях факты заимствования. Возможно, перед нами раннее междialeктное заимствование для пратюркских диалектов и ранний тюркизм в монгольском. Показательно сужение значения форм монг. *ариун* ~ тюрк. *arig* в сравнении с тюрк. *идуq* ‘священный’;

3) Монг. *яндаг* (*jandag*) ‘святой-пресвятой’. Судя по суффиксу, слово для монгольских языков выглядит как исконное, поствокальное *-n* указывает на большую древность формы.

Тунгусо-маньчжурские проявления тюркского *иді* довольно разнородны, но диапазон их значений в общем соответствует разным значениям тюркской лексемы:

1) эвенк. зап. *эксэри* ‘бог’, орооч. *экэунэн* ‘дух леса’, ‘душа умершего человека’ [ССТМЯ, 2: 444];

2) сол. *эндури* ‘всевышний’, нег., орооч. *эндури* ‘бог-хозяин неба’, ульч., нан. *эндури* ‘бог’, ма. *эндури* ‘дух, высшее существо’ [ССТМЯ, 2: 453], сравнение с монг. *öndür* ‘высокий’, видимо, ошибочно или отражает очень древнее состояние семантики (мелкие духи-хозяева Среднего мира явно не назывались «высшими»).

Два слова — названия высшего божества, а также духов-хозяев стихий (неба, леса) — на тунгусо-маньчжурской почве явно несводимы к одной форме, вместе с тем трудно предполагать их гетерогенность. Финальный компонент *-эри* ~ *-ури*, вероятно, тот же, что и в тюркском и монгольском *tenggri*, ср. др.-тюрк. *tengäk* ‘воздух, небо’ [ДТС 532], *tängri* ‘небо, бог’ [ДТС 544], объясненное Б. И. Татаринцевым как *teng-äri* ‘владыка неба’ [Татаринцев 1984, 73–84; Татаринцев 2009]. Если наши предположения верны, данные примеры чрезвычайно важны и интересны для определения относительной хронологии фонетических и морфологических явлений в тюркских языках. Финальная часть этих форм показывает вполне сложившуюся поссессивную парадигму с показателем 3 лица *-i*, однако внутри слова сохраняется сочетание согласных или согласный *ng*, давший в разных языках разные рефлексy при заимствовании. Форма *эксэри* с согласным *с*, очевидно, указывает на интердентальный (а не на смычный, как можно было бы полагать по форме *эндури*) в языке-источнике.

Имеются еще единичные проявления этого же слова в его религиозно-культовых значениях: 1) нан. *амзиа* ‘название божка — одного из шаманских духов’ [ССТМЯ, 1: 37]; 2) ульч. *ундалау* ‘название идола’ [ССТМЯ, 2: 273]; 3) эвен. *эркэн* ‘талисман’ [ССТМЯ, 2: 465]: к семантике ср. эвен. *хэвкичэн* ‘талисман’, букв. ‘божок’. Последняя форма, как и межгрупповая корреспонденция *ариун* ~ *arig*, содержит форму с *p* на

месте интердентального δ — заметим, что такие формы привлекали внимание специалистов значительно меньше, чем формы с соответствием $z \sim r$; 4) нан. *ага* ‘название божка-покровителя охоты’ [ССТМЯ, 1: 11]; 5) эвенк., нег. *оге:нга:*, ульч. *оги:нга:* ‘злой дух’ [ССТМЯ, 2: 5]; корреспонденции интердентального и заднеязычных согласных уже понятны; 6) уд. *огзо* ‘злой дух’ [ССТМЯ, 2: 5]; лабиализация гласного ε в удэгейском наблюдается часто, поствокальный z — одна из стадий утраты былого n или ng ; 7) эвенк. *арингка* ‘злой дух’, эвен. *арингка*, нег. *айи* ‘дух гор’, нан. *ари* ‘идол’, ма. *ари* ‘злой дух’ [ССТМЯ, 1: 25]; 8) ма. *ил-зэхэдэо* ‘дух-губитель’ [ССТМЯ, 1: 308]. На фоне других лексем поствокальное l может быть эпентетическим. Формы с $-p$ ожидаемы для рефлексов $*\delta$ в интервокальной позиции (в других позициях ротацизм невозможен).

Вероятно, еще одним фонетическим и семантическим вариантом того же корня являются и следующие слова:

1) ульч., нан. *энзэхэ* ‘способность’, ма. *энчэхэн* ‘способность’ [ССТМЯ, 2: 454]. Трудно считать эту лексему общетунгусо-маньчжурской, поскольку и ульчская, и нанайская лексемы могут быть заимствованы из маньчжурского, однако наличие (т. е. сохранение) поствокального n - в данном случае весьма важно.

Потестарные социальные значения, не выделенные как самостоятельная семантическая единица у Э. В. Севортяна и подведенные под первое значение ‘хозяин’ [Севортян, 1: 239], присутствуют в следующих тунгусо-маньчжурских лексемах, для которых можно предполагать тюркское происхождение.

2) эвенк. и др. *эди* ‘муж’ [ССТМЯ, 2: 437 и сл.] — примечательно, что форма *эдингкэму* ‘муженек мой’, встречается в эвенском эпосе, но не в обиходной речи. Форма *эзэн* ‘хозяин’, помещенная в одну статью ССТМЯ с формой *эди*, явно заимствована из монгольских языков, в особенности на фоне форм *эндури* и *экэри*.

3) ма. *эйгэн* ‘муж’ [ССТМЯ, 2: 440]. Эта форма не может считаться гомогенной на тунгусо-маньчжурском уровне с эвенк. *эди* и имеет какой-то иной источник — возможно, тот же язык, из которого заимствовано внешне похожее ма. *эйхэн* ‘осел’.

4) нег. *хэнтэ* ‘хозяин медведя’, ороч. *хэнтэ* ‘человек, убивший медведя’, уд. *хэн-*

тэ ‘хозяин’ [ССТМЯ, 1: 481]. Непонятно наличие начального x - в тех языках, где его не должно быть ни таксономически (рефлекс $*x$ - или $*k$ в южнотунгусских языках), ни тем более этимологически: в самом крайнем случае этот x - окажется ожидаемым рефлексом тюркского протетического y -.

5) Эвенк. подкам.-тунг. *этэг* ‘вождь военный’ [ССТМЯ, 2: 470] — в последнем случае в толковании ошибка, у тунгусов военный вождь не являлся носителем власти в мирное время. Форма заимствована из языка, рефлекс корня в котором ожидаемы для якутского языка ($\delta > t$).

Вероятно, дериватом от потестарной семантики этого же слова является следующее: ма. *адунг’а-* ‘притеснять, прижимать, угнетать, мучить, изнурять’ [ССТМЯ, 1: 16].

Еще одна группа проявлений-рефлексов того же тюркского корня приходится на названия хищных животных, вероятно, вследствие табуирования их именований и их замены потестарно маркированным социальным термином: 1) эвенк. *утингэ* ‘волк’ [ССТМЯ, 2: 294]; 2) ороч. *окс’а* ‘волк’ [ССТМЯ, 2: 10]; 3) эвенк. *е:дар* ‘косатка’, нег. *эдэн* ‘косатка’, ульч., орок. *эдэ(н)* ‘косатка’ [ССТМЯ, 1: 289]; 4) нег. *о:дан* ‘косатка’ [ССТМЯ, 2: 6]; 5) эвен. *очэтэлкэн* ‘косатка’ [ССТМЯ, 2: 30]; (В приводимых примерах в ССТМЯ всюду «касатка», но понятно, что авторы ССТМЯ ошиблись и речь идет о хищном морском млекопитающем). К семантике ср. ороч. *наму эзэни*, ульч. *наму эдэни* ‘косатка’ (= ‘хозяин моря’: [ССТМЯ, 1: 490]). Диапазон отражений интердентального δ в языках-реципиентах и языках-источниках не выходит за пределы ожидаемого и известного по фактам самих тюркских языков и заимствований из тюркских языков разных формаций в другие языки; 6) уд., ульч., орок., нан. *онгдо* ‘росомаха’ [ССТМЯ, 2: 21]; возможно сюда же эвенк. *о:наки:*, эвен. *о:на:ки:* ‘росомаха’ [ССТМЯ, 2: 18]. На месте сев.-тунг. $-n$ - южн.-тунг. $-nd$ - реконструируется группа $*-nr$ -, соответствующая согласному $-p$ - в монгольских и тюркских языках: ср. эвенк. *ко:ннго:рин* ‘черный’ — монг. *хар*, тюрк. *qara* ‘черный’.

Предположительно сюда же относится подходящее по форме название выпя: эвенк. *очоки*, нег. *эчэхи* ‘выпь’ [ССТМЯ, 2: 29].

Во всех случаях разброс форм слов с тождественной семантикой — волк, косатка, росомаха — похоже, указывает на заимствованный характер лексем, источник которых ранее не определялся.

Как отмечено у Э. В. Севортяна, у якутского *иччи*, признаваемого как отражение общетюркского *idi* (хотя закономерность такого отражения указывает для вторичный характер лексемы для якутского: ср. якут. *ытык* ‘священный’), имеем дело или с ранним монголизмом, или с тюркским междиалектным заимствованием, поскольку обычным отражением интердентального *δ* в якутском является *-m-* имеются еще два связанных друг с другом значения: ‘содержимое, сущность, внутренняя таинственная сила?’, ‘зародыш, тельце в яйце’ [Севортян, 1: 240]: 1) нег. *агди*, ороч. *агда* ‘оболочка околоплодная’ [ССТМЯ, 1: 13]; 2) орок. *эсэрэй* ‘беременная’ [ССТМЯ, 2: 468]; 3) эвен. арманск. *укси* ‘беременная’ [ССТМЯ, 2: 253]; 4) ороч. *уси*, *ульч.*, *нан.*, *ма. усэ* ‘семя’ [ССТМЯ, 2: 290]; 5) эвенк. *урул* ‘зародыш’ [ССТМЯ, 2: 287, статья *уру* ‘родня’].

Любопытно, что и в этой группе примеров мы встречаем такое же варьирование гласных, какое наблюдается в других примерах, привлекающих наше внимание (см. ниже), и примеры с сочетанием согласных, соответствующим интервокальному интердентальному общетюркскому состоянию, и выглядящих если не как общеалтайские, то, по крайней мере, как пратюркские формы. Наблюдается сходство рядов соответствий согласных, отвечающих диапазону рефлексов интердентального *D*, включающего и ротирующие проявления интердентального.

За пределами тунгусо-маньчжурских языков лексема со значением ‘хозяин, господин, владыка’ зафиксирована в следующих примерах: нивх. амурск. *ыс* ~ вост. сах. *ызнг* ‘хозяин’, ‘косатка (морское животное)’, *тол ыс* ‘морской хозяин’.

Обращает на себя внимание тождественность нивхских соответствий тюркскому интердентальному *δ* в виде *с* в амурском диалекте нивхского языка, но наличие *з* (вместо ожидаемого *р*) в форме *ызнг* восточно-сахалинского диалекта. Судя по всему, наличие разных гласных в нивхских словах (ср. *ес* ‘вещь’ и *ыс* ‘хозяин’) окончательно «добивает» исходную идею о тождественности корня этих слов в тюркских языках. Вместе с тем ср. др.-тюрк. *идиқ* ‘священный, святой’ [ДТС: 217], вероятно, имеет общий корень с рассматриваемым словом. Чукотск. *этын*, мн. ч. *этынвыт* ‘хозяин (животного, собаки, оленя)’. Обращает на себя внимание характер рефлекса интердентального *δ* в этом слове, прогнозируемый для якутского язы-

ка, при отсутствии, однако, такой формы в якутском языке. Спецификация семантики чукотской лексемы побуждает видеть в ней один из самых поздних вариантов значения данного слова.

Теоретически возможно, что отражением этого же корня является чукотск. *эрым* ‘начальник, глава’, *эрмэчын* ‘силач, богатырь’, ‘глава, предводитель’ — для отождествления этих слов и других лексем с рассматриваемым тюркским корнем нет ни фонетических, ни морфологических препятствий, а число слов с согласным *-р-* на месте интердентального постоянно увеличивается.

Для нивхских и чукотских лексем заимствование таких форм, как *ыс* и *этын* соответственно, из тунгусо-маньчжурских языков крайне маловероятно. Похоже, что эти слова имеют своими источниками разные тюркские языки.

Как показывают приведенные выше примеры, проявления тюрк. *idi* ‘господин’ в монгольских, тунгусо-маньчжурских и соседствующих с ними языках имеют гораздо больший объем, нежели предполагалось ранее [Менгес 1976].

Рассматриваемый здесь материал — а примеры подобных гнезд-слов в тунгусо-маньчжурских языках, не имеющих связей внутри своей языковой группы, довольно многочисленны, в монгольских же языках присутствуют, хотя и не привлекали внимания — составляет новый сюжет в исследовании тюрко-монгольских и тюрко-монголо-тунгусо-маньчжурских языковых связей. Эти факты интересны как в теоретическом отношении, так и в практике описания лексического состава алтайских языков в исторической и ареальной перспективе. Можно указать, что все выявляемые примеры такого рода характеризуются следующими особенностями:

1) сопоставляемые слова не укладываются в системы соответствий сравнительно-исторической фонетики тунгусо-маньчжурских языков, но отвечают системе соответствий для тюркских языков как раз для тех согласных, которые показывают нетривиальные корреспонденции — *δ*, *š*, *z*, *j* — и проявляют черты сходства с нетривиальными изменениями гласных, характерными, например, для чувашского языка;

2) подавляющее большинство примеров, выявляемых при поисках соответствий для интересующих нас тюркских корней, не показывают глубоких различий в семан-

тике, либо их семантические дивергенции соответствуют тем дивергенционным процессам, которые наблюдаются и в самих тюркских языках;

3) подобные примеры по существу не требуют комментариев с точки зрения морфологии или словообразования: в редких случаях слова содержат тюркские формы словообразовательных суффиксов;

4) в массивах сопоставляемых лексем обязательно обнаруживаются лексические единицы, которые по своей форме отвечают общеалтайским реконструкциям — в рассмотренных примерах это формы с сохраняющимися сочетаниями согласных в тунгусо-маньчжурских примерах. Существенно, что для подобных примеров характерна единичность, что исключает случайный характер их сопоставления, в то время как число форм, идентифицируемых как заимствования, не ограничено в количественном аспекте и по существу не ограничено и в плане формальных дивергенций слов, соответствующих числу тех тюркских языков, с которыми в прошлом контактировали монгольские и тунгусо-маньчжурские языки.

Систематизация и лингвогеографический анализ этих фактов, отражающих исчезнувшие тюркские языки, которые отстоят от нас на 3 000 лет (датировка времени распада тунгусо-маньчжурской группы, определяющая дивергенции тюркских языков, находившихся в контакте с расходящимися диалектами общетунгусо-маньчжурского праязыка), и углубляющих на 1 700 лет перспективы изучения тюркских языков по сравнению с древнейшими тюркоязычными письменными памятниками, составляют задачи дальнейших исследования ареальных связей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Заметим в заключение, что все исследования в этой области подтверждают не только факт генетического родства этих языков в рамках алтайской семьи, но и тот вариант общеалтайской реконструкции, которого придерживается автор в своих исследованиях.

Сокращения

алт. — алтайский (ойротский), бур. — бурятский, др.-тюрк. — древне-тюркский, зоол. — зоологический, калм. — калмыцкий, кит. — китайский, корейск. — корейский, ма. — маньчжурский, мо. — монгольский, нан. — нанайский, нег. — негидальский, общетюрк. — общетюркский, орок. — орокский, ороч. — орочский, п.-мо. — письменно-монгольский, сол. — солонский,

т. ма. — тунгусо-маньчжурский, тат. — татарский, тюрк. — тюркский, тув. — тувинский, уд. — удэгейский, ульч. — ульчский, чж. — чжурчженский, чуваш. — чувашский, чукотск. — чукотский, эвенк. диал. — эвенкийский диалектный, эвен. диал. — эвенский диалектный, якут. — якутский.

Литература

БАМРС — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 1. А–Г. 520 с.; Т. 2. Д–О. 536 с.; Т. 3. Ё–Ф. 440 с. М.: Academia, 2001; Т. 4. Х–Я. М.: Academia, 2002. 532 с.

Бурыкин А. А. Роль монгольских языков для алтаистических исследований // История развития монгольских языков. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. С. 19–42.

Бурыкин А. А. О взаимном соотношении отдельных групп алтайских языков и об относительном объеме изменений в отдельных группах алтайских языков: «древние», «новые», и «новейшие» алтайские языки // Вестник угроведения. 2014. № 4 (19). С. 21–33.

Бурыкин А. А. Методы сравнительно-исторического языкознания, алтайская теория и тюрко-монгольские языковые связи (Реплика на статью В. И. Рассадина) // Урало-алтайские исследования. 2015. № 4(19). С. 93–105.

ДТС — Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, Ленинградск. отд., 1969. 677 с.

Менгес К. Г. Тюркское *Idl* «господин», некоторые его рефлексy в тюркских языках и параллели в других языковых семьях // *Turcologica*—1976. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1976. С. 101–110.

Севортян, 1 — Этимологический словарь тюркских языков. В 7 т. М., 1975–2003. Т. 1. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 768 с.

Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 1986. 304 с.

ССТМЯ — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / отв. ред. В. И. Цинциус. Т. 1. Л.: Наука, 1975. 673 с.; Т. 2. Л.: Наука, 1977. 992 с.

Татаринцев Б. И. О происхождении тюркского названия неба (тенгре) и его соответствий // Советская тюркология. 1984. № 4. С. 73–84.

Татаринцев Б. И. Избранные научные труды. Кызыл: Тываполиграф, 2009. 287 с.

References

- Bol'shoy akademicheskiy mongol'sko-russkiy slovar' v 4-kh tomakh. Otv. red. Pyurbeev G. Ts.* [The Great Academic Mongolian-Russian Dictionary. Edit. by G. Pyurbeev]. Moscow, Akademia Publ., vol. 1 (A–Г), 2001, 520 p.; vol. 2 (Д–О), 2001, 536 p.; vol. 3 (Ө–Ф), 2001, 440 p.; vol. 4 (Х–Я), 2002, 532 p. (In Mong. and Russ.).
- Burykin A. A. *Rol' mongol'skikh yazykov dlya altaisticheskikh issledovaniy* [The Role of Mongolic languages in Altaic studies]. *Istoriya razvitiya mongol'skikh yazykov* (The Mongolic languages: history of development). Ulan-Ude, Buryat Scientific Center (Sib. Branch of the RAS) Press, 1999, pp. 19–42 (In Russ.).
- Burykin A. A. *O vzaimnom sootnoshenii otdel'nykh grupp altayskikh yazykov i ob otnositel'nom ob"eme izmeneniy v otdel'nykh gruppakh altayskikh yazykov: «drevnie», «novye», i «noveyshie» altayskie yazyki* [About a mutual relation of separate groups of the Altaic languages and about the relative amount of changes in separate groups of the Altaic languages: 'ancient', 'new' and 'latest' Altaic languages]. *Vestnik ugrovedeniya* (Bulletin of Ugric Studies), 2014, No. 4 (19), pp. 21–33 (In Russ.).
- Burykin A. A. *Metody sravnitel'no-istoricheskogo yazykoznanii, altayskaya teoriya i tyurko-mongol'skie yazykovye svyazi (Replika na stat'yu V. I. Rassadina)* [Methods of comparative linguistics, the Altaic theory and Turko-Mongolic language relations]. *Uralo-altayskie issledovaniya* (Ural-Altaic Studies), 2015, No. 4(19), pp. 93–105 (In Russ.).
- Drevnetyurkskiy slovar'* [An Old Turkic Dictionary]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 677 p. (In Russ.).
- Menges K. G. *Tyurkskoe Idi «gospodin», nekotorye ego refleksy v tyurkskikh yazykakh i paralleli v drugikh yazykovykh sem'yakh* [The Turkic Idi 'Master', some of its reflexes in the Turkic languages and parallels in other language families]. *Turcologica-1976*, Leningrad, Nauka Publ., 1976, pp. 101–110 (In Russ.).
- Sevortyan E. V. *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye* [Vol. 1. Common Turkic and inter-Turkic stems beginning with vowels]. Sevortyan E. V. *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov. V 7 t.* [An etymology dictionary of Turkic languages. In 7 vol.]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 768 p. (In Russ.).
- Serebrennikov B. A., Gadzhieva N. Z. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov* [A comparative grammar of Turkic languages]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 304 p. (In Russ.).
- Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov. otv. red. V. I. Tsintsius* [A comparative dictionary of Tungus-Manchu languages. Edit. by V. I. Tsintsius]. Leningrad, Nauka Publ., vol. 1, 1975, 673 p.; vol. 2, 1977, 992 p. (In Manchu and Russ.).
- Tatarintsev B. I. *O proiskhozhdenii tyurkskogo nazvaniya neba (tengre) i ego sootvetstviy* [About the origin of the Turkic word denoting the sky (tengre) ...]. *Sovetskaya tyurkologiya* (Soviet Turkology), 1984, No. 4, pp. 73–84 (In Russ.).
- Tatarintsev B. I. *Izbrannye nauchnye Trudy* [Selected scholarly works]. Kyzyl, Tyvapoligraf Publ., 2009, 287 p. (In Russ.).

УДК 811.51

ОБ ОБЪЕМЕ И ХАРАКТЕРЕ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ И ТЮРКО-ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ В НОВОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: РОЛЬ ТЕОРИИ РОДСТВА АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Алексей Алексеевич Бuryкин¹

¹ доктор филологических наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: albury@rambler.ru

Аннотация. Статья представляет новые факты, относящиеся к проблеме древних языковых связей и фактов взаимодействия тюркских языков с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками. Автор показывает, что слова, представляющие культурную лексику тюркских языков, многократно заимствовались в монгольские и тунгусо-маньчжурские языки и диалекты, и источниками этих заимствований были различные, часто не дошедшие до нас тюркские языки. Вместе с подобными фактами в этих языках имеются такие формы слов, которые позволяют реконструировать эти лексические единицы как элементы общеалтайской лексики.

Ключевые слова: алтайская теория, тюркские языки, монгольские языки, тунгусо-маньчжурские языки, ареальные связи, реконструкция, фонетическое соответствие, заимствования, исчезнувшие языки.